

образом, не рассматривается как хищение потому, что хищение сопряжено с завладением (изъятием) определенных ценностей из фондов собственника. Кроме того, неразрывная связь информации с ее материальным носителем еще не дает оснований для вывода о том, что результат завладения услугами информационного характера будет всегда носить о вещественный характер. Рассматриваемая проблема усугубляется также и тем, что цивилистической наукой до конца не определено место информации в системе объектов гражданских прав. В гражданском праве информация рассматривается как объект вещных прав (1), как объект только исключительных прав (2), как нематериальное благо (3).

Таким образом, в настоящее время похитить информацию не представляется возможным, но вести речь можно о противоправном завладении информацией экономического характера, т.е. именно такой, которая вовлечена в экономический оборот и может подлежать некой оценке, выраженной в ее денежном (стоимостном) или ином эквиваленте. В рамках борьбы с преступностью в экономической сфере можно было бы предусмотреть общую норму, предусматривавшую ответственность за «хищение» информации: «Умышленное, противоправное, завладение охраняемой информацией с целью извлечения имущественной выгоды в значительном размере». Причем речь в данном случае может идти о любой информации, вовлеченной в экономический оборот, и способной принести имущественную выгоду лицу, во владении которого она находится: начиная от данных личного характера, зарегистрированных в различных карточках и заканчивая компьютерными программами и иной конфиденциальной информацией.

Бесспорно, в современном мире информация давно приобрела товарный характер, выступая в качестве самостоятельного объекта договорных отношений,

связанных с ее оборотом, хранением, распространением и использованием в различных сферах человеческой деятельности, и в этом своем качестве она обладает, как и всякий обычный товар, потребительской и меновой стоимостью. Однако выделение информации в качестве особого предмета в уголовном праве обусловлено не только ее коммерческой ценностью в обороте, но и особой значимостью, необходимостью защиты прав личности и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербак Н.В. Информация как объект гражданско-правового регулирования // Законодательство. – 2004. – № 7. – С. 80-86.
2. Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права / С.И.Семилетов // Государство и право. – 2000. – № 5. – С. 74.
3. Северин, В.А. Правовое регулирование информационных отношений // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2000. – № 5. – С. 20-28.
4. Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 775 с.
5. Колесников А. Как понимают хищение в Великобритании и России // Закон. – 2003. – № 2. – С. 121-123.
6. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: Проспект, 2006. – 520 с.
7. Клепицкий И.А. Имущественные преступления (сравнительно-правовой аспект) // Законодательство. – 2000. – № 2. – С. 70-78.
8. Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. – СПб.: Изд-во Р.Асланова, 2007. – 480 с.
9. Городов О.А. Информация как объект гражданских прав // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 80-89.

OPPORTUNITY RECOGNITION INFORMATION SUBJECT OF THEFT

© 2014

V.V. Hilyuta, PhD, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology
Grodno State University Kupala, Grodno (Republic of Belarus)

Annotation: The article considers such thing as theft of information. Different approaches to the assessment of situations involving wrongful gaining possession of information for personal gain. The author substantiates the thesis of the materiality of the subject of the theft and the need for the construction of new offenses in the property sector.

Keywords: theft of information, the subject of crime, property crime, property.

УДК 94(47).01.02

ИНСТИТУТ МЕСТИ И КНЯЖЕСКАЯ ВЛАСТЬ НА РУСИ В IX – НАЧАЛЕ XI вв.

© 2014

С.Б. Чебаненко, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музеологии
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация: Первые свидетельства о проникновении княжеской власти в сферу действия мести относятся к 9 в. и касаются случаев посягательств на лица, находящиеся под защитой князя, к которым относятся дружина, привилегированные чужаки (купцы), представители Руси в отношениях с внешним миром. Коллизии, связанные с обычаем кровной мести в среде местного населения долго остаются вне внимания властей. Способом обеспечения княжеской защиты была вира, повышенный штраф, который налагался за убийство привилегированных категорий населения. До начала XI в., вира назначалась также за убийство полян, что отличало их от жителей других регионов Руси.

Ключевые слова: месть, князь, судебный штраф, вира, суд, право, смертная казнь, Русь.

В исторической, историко-правовой литературе распространенным является мнение о довольно раннем проникновении княжеской власти в сферу действия мести. Сквозным мотивом большинства ученых построений является приписывание княжеской власти какого-то имманентно ей присущего стремления к ограничению мести. Раз тот или иной князь проявляет себя на ниве нормотворчества, то он должен так или иначе ограничить обычай мести; внутренние ресурсы самого обычая к модификации и иные мотивы обращения к нему властей почти не принимаются во внимание.

Вместе с тем, как нам представляется, сначала речь шла не об ограничении, а о восприятии принципов мести и дополнении её механизмами, позволяющими княжеской власти использовать этот институт в своих интересах, и лишь время спустя эти механизмы так или иначе были использованы для ограничения действия кровной мести. Кроме того, князья долгое время проявляют известное безразличие к вмешательству во внутренние конфликты, связанные с местью.

Попробуем определить, когда и с какой целью князья начинают оказывать воздействие на эту область, и какие

последствия это имело к началу XI века. Древнейшие известия о восточных славянах и «русии», упоминающая о существовании обычая мести, ни слова не говорят об участии военных вождей в этих отношениях.

В восточнославянском материале нет прямых указаний на то, когда и по каким причинам княжеская власть начинает воздействовать на институт кровной мести. Сравнительные данные отчасти позволяют пролить свет на этот вопрос. А. Е. Пресняков применил для изучения древнерусского права понятие «княжое право». Он опирался на разработанное в немецкой историографии понятия «королевское право» («Königsrecht») и «королевская защита» («Königsschutz») и особенно на положение о специальной защите отдельных групп (прежде всего – дружины) со стороны конунга с помощью санкций, отличных от принятых в «народном праве». «Княжое право» отличалось от «королевского права» тем, что защита этих групп была не «специальной», а основной и единственной его функцией. Меры защиты дружины постепенно распространяются и на прочее свободное население – так распространяется княжеская юрисдикция [1, с. 183-192, 215-246].

Ученый убедительно, привлекая сведения о германских древностях (напомним, что правящая династия на Руси была скандинавского происхождения), аргументировал положение, согласно которому введение штрафа за убийство, кратного сорока, маркировало вмешательство публичной власти в дела о преступлениях против жизни (а древнерусская вира как раз равнялась сорока гривнам). Размер штрафа резко отличался от обычной платы за мир, бывшей существенно меньше [1, с. 216-221]. Сначала этот штраф защищал дружинников. Принимая это предположение, отметим, что, в отличие от свидетельств о скандинавах, наши источники не говорят прямо о происхождении этого штрафа, и это мнение основывается на косвенных данных.

До начала XI в., до Правды Ярослава, Правды Ярославичей (в составе Краткой Правды) следы этого процесса весьма нечетливы. Ни в одном свидетельстве IX-X вв. нет ясного указания на привилегированное в этом отношении положение дружины по сравнению с прочими категориями населения. Вместе с тем, мы можем отметить особое внимание со стороны княжеской власти к отдельным группам лиц в плане их защиты.

Ещё в известиях восточных авторов (Ибн-Русте, Гардизи) о «русах», относящихся к первой половине IX в., упоминается о защите ими «чужеземцев», взятых под покровительство [2, с. 303, 305], упоминается и о возмещении им за ущерб (Гардизи) [2, с. 305]. Учитывая важное для «русов» значение торговли, – по Гардизи «царь их взимает с торговли десятину» – можно думать, что чужеземцы являлись купцами, которые подлежали особой защите со стороны князя. Раз так, то решение, и, видимо, – решение судебное, о виновности и выплате возмещений принимал князь. Под защитой властей, несомненно, была и жизнь «чужеземцев». Хотя в восточных источниках налицо участие князя в защите определенных категорий чужаков, но, насколько можно судить, коллизии, связанные с обычаем кровной мести в среде местного населения – вне его внимания [2, с. 303, 306-307].

В договорах с Византией X в. мы можем наблюдать развитие этого явления: защиту привилегированных чужаков и, как обратная сторона этого, – защиту «русов» за пределами Руси. Субъектами права в договорах являются все подданные князя и императора, независимо от их социального статуса [3; 4, с. 35-42]. В отношении русской стороны в части, касающейся правовой защиты и ответственности, нет дифференциации по принципу знатный / незнатный или люди князя и все прочие, а социальный состав пребывающих в Константинополе «русов» был достаточно пестрым. Если и принять мнение, что нормы защиты «русов» ориентировались на

нормы защиты представителей дружинной среды (см., например, исследование С. Л. Никольского [5, с. 16-25]), то нам их не с чем сравнить – как защищался в это время свободный общинник нам неизвестно.

Как показали исследования норм уголовного характера, в этой части договоры преимущественно отразили русские реалии, а не византийские. По договору 911 г. «аще кто уьет ..., да умрет, идеже аще сотворит оубийство, аще убежит сотворивый оубийство, да аще есть домовит, да часть его, сиречь иже его боудеть по закону, да возметь ближний уьенаго ..., аще ли есть неимовит, сотвориви убои, и убежавъ да держится тяжи, донде же обряцется, и да умереть» [6, стб. 34], договор 944 г., с некоторыми изменениями, говорит о том же [6, стб. 51-52].

«Ближние» убитого могут на месте расправиться с явным убийцей, при его бегстве – довольствоваться его имуществом, если тот беден и власти ловят беглеца, то его ждёт смерть. Право на убийство на месте отразило русские реалии, это месть, моментальная реакция на преступление [7]. В этом случае казнь и месть совпадают по своей сути, поэтому, видимо, месть и допускается византийской стороной [8, с. 645; 9, с. 91; 10, с. 204]. Византийскому праву также неизвестна и передача имущества убийцы родственникам убитого [11, с. 10]. Альтернатива смерти убийцы и возможности откупа от смерти отражена и в ст.1 Краткой Правды [12, с. 70].

Но и греческие порядки наложили на статьи свой отпечаток: очевидно, что греки в случае убийства русского греком на территории Византии не позволяли «ближним» убитого устраивать преследование преступника и власти брали эту задачу на себя [13, с. 20]. Это позволяет предполагать и участие русских властей в преследовании убийцы в том случае, если произошло убийство грека в пределах Руси. Можно думать, что подразумевается не только поимка преступника, но и расследование, и суд князя по этому делу. Расследование и суд князя предусматриваются и при обратной ситуации: грек убивает русского (ст. 12 договора 944 г., запрещающая судить на Руси судом князя, «сущих под властью цесарства нашего», касается только должностных лиц императора, а не всех византийцев [14]).

В защите князем чужеземцев, особенно купцов, как следует из приведенных выше данных Ибн-Русте и Гардизи, нет ничего нового, как и в суде по таким делам (до и после осуществления мести – в зависимости от ситуации). Еще одно псевдо-новшество, о котором пишут некоторые исследователи, – возмещение за убийство, введение ее, якобы, кровная месть законодательно ограничивается [15, с. 477; 16, с. 79; 17, с. 36-37; 18, с. 83]. С этим нельзя согласиться: появление материального возмещения за ущерб является естественным развитием института мести и никоим образом не связано с публичной властью, а положения договоров прямо указывают, что получатели этого возмещения – «ближние» убитого. В договорах лишь фиксируется уже сложившийся на Руси порядок. Не видно также, чтобы в договорах выкуп имел преимущественное значение перед отпущением. Другое дело, что с определенного времени частное возмещение за ущерб, выкуп за убийство дополняется штрафом в пользу властей, о чем будет сказано ниже.

На примере договоров мы наблюдаем первое бесспорное свидетельство вмешательства князя в действие института мести. Но дело касается международных отношений, когда это вмешательство не только не ущемляет интересов общества, но напротив – способствует восстановлению справедливости привычными средствами даже на чужбине. Любопытно при этом, что здесь в качестве мстителей подразумеваются не столько родственники, сколько товарищи, спутники убитого [7].

В связи с картиной, отраженной в договорах, упомянем одно из известий норвежской «Саги об Олаве

Трюгтвасоне» (если мы признаем достоверность этого известия, которая ставится рядом исследователей под сомнение) [19, с. 198-202]. В нем говорится об одном из конфликтов, произошедших в Новгороде. Князь (в саге подразумевается Владимир Святославич) выступил судьей или посредником в деле о прилюдном убийстве, совершенном будущим конунгом Олавом Трюгтвасоном, убитым был также иноземец. После разбирательства князь заставляет убийцу (его защитника) выплатить «выкуп» (варианты этой истории представлены в разных источниках, мы приводим её по своду саг Снорри Стурлусона «Круг земной» (написана ок. 1230 г.) [19, с. 161-162, 165-166]. Что это за «выкуп» - плата в пользу княжеской власти или выплата представителям потерпевшей стороны, из текста не понятно.

Но распространялось ли внимание княжеской власти на случаи убийств, совершенных в среде русского населения в пределах Руси? Речь идет о категориях населения, не находящихся под особой защитой князя, которой подлежала та же дружина. Для раскрытия процесса распространения «княжого права» среди восточных славян обратимся к известию о реформе Владимира Святославича, если мы вслед за А. Е. Пресняковым будем связывать виру с княжеской властью, и усматривать в ней платеж за убийство в пользу князя, изначально – как меру защиты дружины.

О сложившейся к временам Владимира Святославича практике взимания штрафов за убийство рассказывает Повесть Временных Лет под 996 годом. При Владимире «оумножася зело разбоеве, и реша епископе Володимеру: «се оумножишася разбоиници, почто не казниши их?»», он же рече имь: «боюся греха», они же реша ему: «ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоить ти казнити разбоиника, но со испытумъ». Володимеръ же отверг виры, нача казнити разбоиници, и реша епископи и старци: «ратъ многа, оже вира, то на оружьи и коних буди», и рече Володимеръ: «тако буди», и живяша Володимеръ по устроенью отню и дедню» [6, стб. 126-127].

Л. В. Милов увязал этот рассказ со славянским переводом Эклоги (византийский правовой свод VIII в.), который был сделан на Руси в конце X в. Титул XVII «О казнях» Эклоги отличается резкой перестановкой порядка статей, что отражало особый к ней интерес со стороны переводчика. После статей в поддержку новой веры сразу идет серия статей, санкционирующих смертную казнь и физические наказания за убийство и другие преступления [10]. Таким образом, «за глухим летописным легендарным сказанием ... скрывалась крупная правовая реформа» [10, с. 209].

С подачи епископов-греков обращенный в христианство Владимир предпринимает попытку введения по византийскому образцу смертной казни за убийство (и, возможно, наказаний за другие тяжкие преступления [10]). Позже по инициативе «старцев» он оставил эту практику и стал за убийство взимать виры. Присутствие в одном случае епископов, а в другом епископов и «старцев» вполне логично: с помощью греков Владимир распространяет на «разбойников» нормы греческого кодекса, это вызывает прекращение поступления важного денежного сбора. В условиях обостренной военной опасности со стороны кочевников, которая не могла не тревожить представителей местной знати, «старцев», было принято решение вернуться к вине, которая теперь шла на военные нужды. Нельзя согласиться с существующим мнением, что во второй части рассказа говорится об учреждении вир в качестве штрафа за убийство. Виры – не новшество, это «устроенье» предков. Поэтому нужно говорить не об учреждении вир, а об отказе от смертной казни за убийство и возврате к прежней практике взимания штрафов.

Владимир казнил только «разбойников», в которых, по нашему убеждению, следует усматривать людей,

убивших кого-либо без малейшей вины со стороны жертвы, в частности, из корыстных соображений и этим они отличаются от мстителей. Убийство из мести признавалось вполне законным. Взятие властью на себя функции воздаяния за убийство, в принципе, делало мщение ненужным и невозможным. Казнь «разбойников» впоследствии вновь заменена вирами, как это было с давних времен (в том, разумеется, случае, если родственники убитого отказывались от мести). Подчеркнем, что вира до Владимира и после возврата к старым порядкам налагалась только на «разбойников», а мстители вирами не облагались.

Во времена Владимира взимание вир, штрафов в пользу княжеской власти за убийство, если буквально держаться текста (князь вернулся к «устроенью отню и дедню»), существовало, как минимум, со времен князя Игоря, с первой половины X в. Штраф шел на общественно-полезные нужды – на приобретение коней и оружия (по крайней мере, при Владимире).

Отметим, что вира, публичный штраф не заменяет частный выкуп, как иногда считается, а дополняет его, как было у многих народов. Так было и на Руси: Пространная Правда ясно указывает на существование виры и головщины, частного возмещения [12, с. 104]. Ограждение жизни дополнительной платой является следствием привилегией [5, с. 44], однако, из рассказа не следует, что вира при Владимире взималась только за людей традиционного круга «княжой защиты», тех же дружинников, как полагал А. А. Зимин [16, с. 50, 88]. Вирные платежи идут на приобретение коней и оружия, необходимых для борьбы с кочевниками, это указывает на значительность поступлений от вир, что вряд ли можно ожидать, считая виру средством защиты одной лишь дружины. Видимо виры взимались за убийства довольно широких слоев населения. Допускаем, вслед за В. О. Ключевским и А. Е. Пресняковым [20, с. 532-534; 1, с. 220], что вторая часть рассказа о реформе Владимира предполагала определенные новации (но не то, что все вообще платы за убийство превратились в публичный штраф): возможно именно теперь виры распространяются на более широкий круг лиц.

Но можно ли считать взимание вир за жизнь не дружинников общерусской практикой [10, с. 212]? Думается, что помогает ответить на этот вопрос факт участия «старцев» в инициативе возврата вир. Исследования недавнего времени показали «книжное» происхождение терминов «старцы» и «старейшины», наличие в ряде известий с их участием реминисценций из библейской истории. Это, однако, не позволяет заключить, что за этими терминами не стояли реальные социальные категории. Везде, где мы видим в летописи взаимодействие «старцев», «старцев градских» с Владимиром, и где их происхождение оговаривается, действие ограничивается территорией Киева или его округой; со «старцами» зависимых земель Владимир не общается [6, стб. 82, 124, 125]. Видимо, владимирских «старцев» можно усматривать и в «нарочитых мужах», которые могут, когда хотят, пировать княжеской гряднице в Киеве, но которые отделены от дружинников [6, стб. 126]. Уместно, следовательно, в «старцах», озаботившихся проблемой финансов и войны, видеть лидеров полян. К тому же «ратъ многа», которая в этой связи упоминается («ратъ многа, оже вира, то на оружьи и коних буди»), грозила от печенегов [6, стб. 122-129], вряд ли это могло тревожить «старцев» тех земель, где печенеги не появлялись.

Поэтому думаем, что до XI в. право защиты вирой кроме дружины распространялась также на полян, бывших главной опорой Рюриковичей в деле подчинения окрестных племен, это было их привилегией сравнительно с представителями иных земель. Еще ст. 1 Краткой Правды, перечисляя лица, за жизнь которых взимается 40 гривен, на первое место ставит «русина», киевлянина к которому «словенин», новгородец

только приравнивается [12, с. 70] (оставим сейчас, по необходимости, в стороне обсуждение существующих дискуссий о содержании этих терминов).

Это не означает, что князь или его представители не могли разбирать конфликты, связанные с мстью, которые случались за пределами Киевской земли и в которых поляне не участвовали. Однако, полагаем, что подобные случаи если и имели место, то были эпизодическими.

Взимание штрафов в пользу княжеской власти с неизбежностью приводит к мысли о княжеском суде по делам об убийствах (уже не только в отношении конфликтов с участием иностранцев, но и в среде местного населения). По крайней мере, сам Владимир начал казнить «разбойников» «со испытать» – после расследования и суда. Также можно предполагать, что и до и после неудачной реформы по введению византийских наказаний практиковался суд по убийствам: чтобы взимать виры с «разбойников», нужно выяснить, кто «разбойник», а кто – нет. Вряд ли на этом основании можно говорить только о послесудебной мести – суду достаточно было подтвердить правомерность совершенной мести, особенно, если дело касалось отмщения на месте, как это описывают договоры. (В. И. Сергеевич в свое время привел пример из вестготского права: мститель, совершив убийство, должен был требовать суда, чтобы его признали невиновным. Если он этого не делал, то суд сам призывал его к ответу, где он и должен был доказать, что убил из мести [8, с. 388]). Власть интересовало не кто мститель, а кто «разбойник», с кого можно получить виру. Виры и до Владимира и в его времена взимались только за «разбой».

Итак, примерно с первой половины IX в. отмечается включение княжеской власти в отношения, связанные с мстью, ею берутся под защиту определенные группы лиц, что приводит, в частности, к появлению суда по убийствам. Отметим при этом, что из имеющихся у нас данных неясно, преобладала ли досудебная или послесудебная мсть. Источники говорят о слабом участии княжеской власти до к. X в. как в сфере социорегулирования в целом, так и в разрешении конфликтов, хотя подобная деятельность уже имеет место. Многие виды преступлений остаются вне внимания князя. Активность в судебной сфере можно предполагать, когда нарушаются права лиц круга «княжой защиты», к которым относятся дружина, привилегированные чужаки (купцы), представители Руси в отношениях с внешним миром, и, как мы полагаем, поляне (до появления в начале XI в. Правды Ярослава).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по Русской истории. Киевская Русь. – М.: Наука, 1993. 640 с.
2. Новосельцев А.В. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. – М.:

Восточная литература, 2000. 494 с.

3. Щапов Я.Н. «Закон Русский» договоров Руси с Византией и «Правда Русская» // Внешняя политика Древней Руси. / Юбилейные чтения, посвященные 70-летию В.Т. Пашуто. – М.: ИИ СССР, 1988. 128 с.
4. Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской Правде. – М.: Юридическая литература, 1988. 176 с.
5. Никольский С.Л. О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. 2004. Вып. 4. С. 5-48.
6. Полное собрание русских летописей Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
7. Никольский С.Л. Кровная мсть по русско-византийским договорам X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва 20-22 февраля 1995 г. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 91 с.
8. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. 675 с.
9. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Пг.; Киев: Н. Я. Оглоблин. 1915. 699 с.
10. Милов Л.В. Легенда или реальность? (о неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право. 1996. № 1. С. 201-220.
11. Бибииков М.В. Некоторые источниковедческие аспекты изучения древнерусской государственности // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. – М.: РАН. Ин-т российской истории, 1992. 84 с.
12. Правда Русская. Т. I. Тексты. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. 505 с.
13. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб.: Право, 1912. 505 с.
14. Никольский С.Л. «Мужи цесарьства нашего» в свете статьи 12 русско-византийского договора 944 года // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы к конференции. М.: РАН. Ин-т российской истории, 1998. 145 с.
15. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Госюриздат, 1949. 543 с.
16. Зимин А.А. Русская Правда. – М.: Древлехранилище, 1999. 427 с.
17. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России. – М.: Зерцало-М, 2002. 464 с.
18. Хачатуров Р.Л. Русская Правда. – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2002. 160 с.
19. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 779 с.
20. Ключевский В.О. Боярская дума в Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. – М.: Ладомир, 1994. 570 с.

VENGEANCE INSTITUTION AND PRINCE'S POWER IN RUS' IN THE 9th – THE BEGINNING OF THE 11th CENTURIES

© 2014

S.B. Chebanenko, Ph.D in History, senior lecturer, department of Museology
Saint Petersburg state university, Saint Petersburg (Russia)

Annotation: This article is dedicated to the influence of prince's power on the vengeance institution. First evidences concerning the penetration of prince's power into a field of wreak goes back into the 9th century and deal with cases of privileges breaching of those who were under the aegis of prince's power – druzhina, privileged outsiders (merchants), representatives of Rus' in outer relations. Collisions, connected with the blood vengeance between the locals, for a long time were beyond the administration cares. Method of prince's protection was «vira», raised penalty, which was fined for murdering of privileged categories. Before the beginning of the 11th century, «vira» was fined for murdering of Polyans as well, and that was marking them among other Rus' population.

Keywords: vengeance, prince, fine, vira, court, power, death penalty, Rus'.